

79	0105	ГЕОРГИЙ ШЕНГЕЛИ		"Осенний венок"
		Вышла в свет в 1999 г.		52.29

«ОСЕННИЙ ВЕНОК» (Коренблит – Шенгели)

Ю. Черноморченко посвящается

От собеседника

Узнав, что Георгий Шенгели родился и долго жил в г. Керчи я подумал, что мне будет легко написать музыку на стихи о южном городе, во многих из которых мне приходилось бывать. Но только после реальной возможности побывать в этом городе между двух морей мне удалось наиболее верно понять его своеобразный почерк и убедиться в том, насколько ошибочной могла бы оказаться моя работа. Часто приходится убеждаться в том, что многих поэтов постигло незаслуженное забвение. В чём здесь дело? По многим причинам, которые, казалось бы, лежат на поверхности. Ан, нет. Но самое важное - не из-за слабости их дарования. И это обнадеживает: быть может и мой труд когда-нибудь будет оценен, если он этого стоит. Хотя этим может утешиться любая бездарность.

Тем не менее Г.Ш. безусловно важная и неотъемлемая веха Серебряного века, который не принадлежит ни к одному из ярковыраженных направлений (акмеизм, футуризм и т.д.), что-то же является одной из причин некоторого выпадения из легко вспоминаемых фамилий этой поэтической эпохи, известный более всего своими переводами (чем занималось большинство поэтов, чтобы можно было выразить свои мысли благодаря неприкасаемым мировым авторитетам, оставаясь при этом в живых).

"Осенний венок" - "коллекция" ярких воспоминаний Весны и Лета, которую человек начинает пристально рассматривать во второй половине своей жизни, думая, что кроме Зимы уже ничего его не ждет, стараясь хоть за что-нибудь зацепиться, ну хотя бы за внезапную будущую Весну, за Былое, которое ещё может встретиться Впереди.

Ваш Станислав Коренблит

1. Кто попроще - 1.23
2. Сиротство - 1.39
3. Он - 1.11
4. Не желаю - 1.20
5. Возвращение - 1.09
6. Мой город - 1.29
7. Былое - впереди - 0.58
8. Озарённая - 1.31
9. Роза - 1.25
10. Застывшее время - 1.22
11. Полночь - 1.32
12. Клокочущая скрипка - 2.06
13. Визит - 1.54
14. Старушка - 1.12
15. Бетховен - 3.28
16. Док - 0.59
17. Припадок - 2.09
18. Жидкий воздух - 1.47
19. Осень - 1.54
20. Эстрада - 1.20
21. Экран - 1.20

22. Осенний венок	- 5.32
23. У печи	- 1.05
24. Музе	- 1.19
25. Каторжник	- 1.19
26. Вместо воздуха	- 1.04
27. Иди же!*	- 1.31
28. Жалость	- 1.52
29. Собака	- 1.34
30. Безвыходность	- 1.34
31. Так знай	- 1.09
32. И опять	- 1.22

** Посвящается Якутии*

Общее время звучания - 52.29

СОДЕРЖАНИЕ

1. КТО ПОПРОЩЕ

Знаешь тайну баккара?
Знать ее необходимо:
Эта звонкая игра -
Как хрусталь - подруга дыма.

То же сдержанный угар,
Тот же бред полуодетых,
И раздавленных сигар
Нежный пепел на манжетах.

Рассказал давно уж нам
Честный кодекс Дон-Хуана,
Что в делах с участием дам
Утонченность нежеланна.

Что тогда лишь выйдет прок,
Если разом Донна-Анна
Навзничь грянет поперек
Непорочного дивана.

Чем глупее, тем умней,
Чем прямее, тем успешней
С удивленной, "с пленной, с ней",
Скоротаешь вечер вешний.

И азартная игра
Те же вкусы разделяет:
Эта стерва, баккара,
Лишь нахрапу уступает.

Тем, кто робок, вдумчив, строг,
Вечно каверзы подводит,

И гребет бумажек стог,
Кто попроще к ней подходит.

2. СИРОТСТВО

Терпкий ветер, день тревожный,
Весь белесый, налитой
Ледяною последождной
Беспредельной пустотой.

Два часа. И человеку
Места нет и дела нет.
В этот час библиотеку
Запирают на обед.

А на улицах пустынно,
На бульварах мокрота,
Скучной жизни половина
Несомненно прожита.

В лужах рябь под ветром резким
Палым sprыснута листом;
Даже слова молвить не с кем
В этом городе пустом.

И стоит в тоске отдельной
Человечек, сам не свой,
Поникая головой
У окошка москательной.

3. ОН

Глухая коробка со вставленным в бок
Граненым зеркальным стеклом:
За стеклом золотой задрожал огонек
Музыкой, смехом, теплом.

Там крахмальная скатерть стол облегла,
Там сливок хрустальный кувшин,
Там с черного диска сводит игла
Согласный свист окарин.

А он стоит под зеркальным стеклом,
А он к стеклу приник:
Ветер хлещет его ледяным помелом,
Дождь плещет за воротник...

Бродяга ль, уставший от мраков и луж,
Лунатик, нашедший луну?
Или просто женою загубленный муж,
Любующийся на жену?

4. НЕ ЖЕЛАЮ

Я не знаю, почему,
Только жить в квартале этом
Не желаю никому,
Кто хотел бы стать поэтом.

Здесь любой живой росток
Отвратительно расслабит
Нескончаемый поток
Тайных ссор и явных ябед.

Здесь растлит безмолвный мозг
Вечный шип змеиных кляуз,
Вечный смрад загнивших Москв,
Разлагающихся Яуз.

Здесь альпийского орла
Завлекут в гнилые гирла
Краснопресные мурла,
Москворецкие чупырла...

Потеряв способность спать,
Пропуская в сердце щелочь,
Будешь сумрак колупать
Слабым стоном: "сволочь, сволочь!"

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Пароход подходит к пристани,
Пеня белые бугры,
И висит звезда над зубьями
Митридатова холма.

От ладоней пахнет сыростью,
Губы солонны на вкус;
Я вернулся, - и неведомо,
Для чего вернулся я.

По лобастому бульжнику
Рыбный рынок прохожу,
Где уже считают выручку,
У фонариков клонясь.

И сквозь темные проулочки
В портовую пустоту
Вдруг пахнет с бульвара музыкой
И акацией пахнет.

Мне домой идти не хочется,
Да и незачем домой;
Вот кофейня, сяду к столику,

Папиросу раскурю.

Из окошек слышно шелканье
Лаконических шаров...
Это будни, лето, молодость,
Одиночество мое.

6. МОЙ ГОРОД

Помню ясный полдень, когда впервые
Я сюда приехал, когда с вокзала
Я катил на дрожках и ждал: когда же
Явится море?

И оно возникло, сломив пространство,
Синею стеною в гирляндах пенных,
Млело и мерцало, качая в далях
Парус латинский.

И оно дышало соленым ветром,
Рыбьей чешуею, арбузной коркой,
Влажной парусиной, смоленным тросом, -
Вечною волей.

И душа, вздыхая, вдруг закружилась;
Я почти заплакал; я стал, как парус,
Что звенит под ветром и только жаждет
Мчаться в просторы.

И потом ни разу не повторилось
Детское виденье: надлом пространства,
Синий блеск, и трепет, и зыбь, и эти
Сладкие слезы...

7. БЫЛОЕ - ВПЕРЕДИ!

Я в окошко стукнул пальцем,
Под окошком пес лайнул,
И твой оклик нежным жальцем
Каплю меда протянул.

И как тучка голубая,
В пенной пряже серебра,
Ты ко мне, плащом порхая,
Полетела из двора.

Легкий стан твой, как бывало,
Дрогнул у моей груди, -
И желанное настало,
И былое - впереди!

8. ОЗАРЁННАЯ

Вся тонкая и заострённая,
 Мерцающая персиковым телом,
 Волной и солнцем озаренная,
 Ты станешь там, на камне белом.

Тебя, воздушную и узкую,
 Увижу я - весь мир мне застишь,
 Когда плеснут тоской нерусскою
 Глаза, распахнутые настезь,

Когда подкатят волны жадные,
 Сперва одна, потом другая,
 И брызнут, - радугой прохладною
 На золотой лобок сбега.

9. РОЗА

Теплая плоть расцветает
 Темною влажною розой,
 Прячется нежная роза
 Под магнетический мех;
 Если коснешься рукою
 Этого лисьего шелка, -
 Кажется, будто меж пальцев
 Колкая искра сверкнет.

И нагибаешься к меху,
 И в лепестках увлажненных
 Судорожными губами
 Ищешь таинственный мед.
 Вздригнет раскрытая роза,
 И - ненасытное жало -
 В пахнущую сердцевину
 Вдруг проникает язык.

10. ЗАСТЫВШЕЕ ВРЕМЯ

Прибой на гравии прибрежном
 И парус, полный ветерком,
 И трубка пенковая с нежным
 Благоуханным табаком.

А сзади в переулках старых
 Густеют сумерки. Столы
 Расставлены на тротуарах.
 Вечерний чай. Цветов узлы.

Черешен сладостные груды.
 Наколки кружевные дам.
 И мягкий перезвон посуды
 Аккомпанирует словам.

И так доступно измененье
 Девятисот на восемьсот,
 Где жизнь застыла без движенья,
 И время дале не идет.

И радостью волнует райской,
 Что впереди - свершенья лет
 И что фонтан Бахчисарайский
 Лишь будет в будущем воспет.

11. ПОЛНОЧЬ

Полночь. Ветер. Лодка покачнулась,
 Задержалась на валу прибоя;
 Виноградною волной плеснуло
 Прямо в парус, в полотно литое.

Узкий луч по волнам простирая,
 Там на взморье сторожит нас катер;
 Ветер плещет в дуло митральезы.
 Луч мы видим, слышим пенье ветра.

Проскользнули! Прямо руль! По ветру!
 Ах как звонок бег наш полнокрылый!
 Ах как пахнет сеном и свободой
 Берег тот, куда наш путь направлен!

В море кинут островок песчаный.
 Здесь ночуем, здесь мы солнце встретим.
 И, спугнувши уток, мы выходим
 На песок, уступчивый и теплый.

Спать... Не спим. Сидим и курим трубки,
 И молчим, глядя на берег черный,
 Где ревут паровики и в небе
 Винной розой взвешен дым пожара.

12. КЛОКОЧУЩАЯ СКРИПКА

Белый дом, большой и ровный,
 Над ракушечною дюной.
 В чисто вымытые окна
 Бьется ветер и закат.
 Посредине дверь открыта
 На балкон полуаршинный,
 И в гостиной старой люстры
 Блекло блещут хрустали.

Целый день брожу по дюне,
 Целый день гляжу на окна:
 Я из окон этих слышал
 Медной скрипки медный звук.

Неужели та старуха
 В кружевной, в крутой наколке
 Ревматической рукою
 Заставляет петь смычок?

Неужели в старом сердце
 Вместо помыслов о гробе
 Есть такая буря скорби,
 Сумасшедшей страсти взмыв?
 Неужели Страдиварий
 Палисандровою скрипкой
 Перевесил гроб дубовый
 На решающих весах?

Тишина в тяжелом доме.
 Гуще ветер в небе темном.
 Дробной галькой сыплет море, -
 И такая пустота!
 Поменяться бы судьбою,
 Холод свой отдать за старость,
 За клокочущую скрипку,
 За бунтующую боль!

13. ВИЗИТ

Плитный двор пылает в летнем полдне.
 Жалюзи прищурились дремотно.
 Низенькое устье коридора
 Обнимает ясною прохладой.

Прохожу по чистым половицам,
 Открываю медленные двери, -
 И в задумчивый уют гостиной
 Незаметно поникает сердце.

Раковины на стеклянной горке;
 На воде аквария скорлупка, -
 Судно; на стене в овальной раме
 Ястребиный профиль Альфиери.

И хозяйка в кружевной наколке,
 В бирюзовых кольцах и браслетах
 Старчески-неспешно повествует
 О далеком, о родном Палермо.

А в руках приметна табакерка,
 Где эмаль легко отпечатлела
 Гиацинт кудрей, и рот двулукий,
 И прикрытых глаз глубокий оникс.

Все в минувшем... Лишь глаза все те же.

Да - браслет и кольца голубеют,
Свежей бирюзой напоминая
Родины немеркнувшее небо.

14. СТАРУШКА

Худенькие пальцы нижут бисер, -
Голубой, серебряный, лимонный;
И на желтой замше возникают
Лилии, кораблик и турчанка.

Отвердел и веским стал мешочек,
Английская вдернута бечевка;
Загорелым табаком наполнить, -
И какой ласкающий подарок!

Но вручен он никому не будет:
Друга нет у старой институтки;
И в глазах, от напряженья красных,
Тихие слезинки набегают.

И кисет хоронится в шкатулку,
Где другие дремлют вышиванья,
Где отцовский орден и гравюра:
Кудри, плащ и тонкий росчерк: Байрон.

15. БЕТХОВЕН

То кожаный панцирь и меч костяной самурая,
То чашка саксонская в мелких фиалках у края.
То пыльный псалтырь, пропитавшийся тьмою часовен, -
И вот, к антиквару дряхлеющий входит Бетховен.

Чем жить старику? Наделила судьба глухотою,
И бешеный рот ослабел над беззубой десною,
И весь позвоночник ломотой бессонной изглодан, -
Быть может, хоть перстень французу приезжому продан?

Он входит, он видит: в углу, в кисее паутины
Пылятся его же (опять они здесь) клавесины,
Давно не играл! На прилавок отброшена шляпа,
И в желтые клавиши падает львиная лапа.

Глаза в потолок, опустившийся плоскостью темной,
Глаза в синеву, где кидается ветер огромный,
И, точно от молний мохнатые брови нахмуря,
Глядит он, а в сердце летит и безмолвствует буря.

Но ящик сырой отзывается шторму икотой,
Семь клавиш удару отвечают мертвой немотой,
И ржавые струны в провалы, в пустоты молчанья,
Ослабнув, бросают хромое свое дребезжанье.

Хозяин к ушам прижимает испуганно руки,
 Учтивостью жертвуя, лишь бы не резали звуки,
 Мальчишка от хохота рот до ушей разевает, -
 Бетховен не видит, Бетховен не слышит, - играет!

16. ДОК

Безлюдье, вечер. Темный док.
 На стапелях суда.
 В раздутых кузовах гудит,
 Свистит в снастях норд-ост.

И мутной пены пятерни
 Царапают песок,
 И душу черту отдает
 Повешенный фонарь.

А я продрог, но все стою
 Под брюхом корабля,
 И пахнет гнилью и смолой
 Весь в раковинах киль.

И сладкий хмель морских легенд,
 И жуть баллад морских
 Ревут мне в уши, бьют в виски
 И плечи леденят.

И я не смею ни уйти,
 Ни спину повернуть
 К утопленничьей пене той,
 Что лезет на песок!

17. ПРИПАДОК

Броненосцы домов разрезают полуночный воздух,
 Непомерной эскадрой над домом моим громоздятся.
 Прорезь панцирных башен качается в траурных звездах,
 Между бурей и мною рождается темная связь.

Лето. Ливень. Тоска. Я один. Гром скрежещет по жести.
 Магний молний и взрывов, рулады и трели сирен.
 Выход наглухо заперт: в бою остаются на месте.
 В сердце кровь передвинулась влево: я чувствую крен.

В бедной комнате голой, в плутонге, один я, как шпага.
 Убежала прислуга и крен - точно заледенел.
 И сусальные нити, и звезд золотая бумага,
 В картонажной Цусиме мой флигель берут на прицел.

Погибаю! Нет воздуха! Стены смещаются в рубке.
 Знаю: стереометрия хочет мне смерть доказать.
 Я бегу по наклонному полу, я прядаю к трубке, -

Боевой телефон: хоть бы чей-нибудь голос поймать!

Я ломаю рычаг, - но органною спит тишиною
 Гулкий мир телефона: исчезли друзья и жена.
 Абордаж атмосферных разрядов стоит за спиною,
 И магнитною синею шерстью дичает спина!

18. ЖИДКИЙ ВОЗДУХ

Как голубые чернила,
 как жидкое небо,
 Как небывалая
 темно-лазурная ртуть,
 В узкой пробирке
 оживенный плещется воздух
 Синим шартрезом
 заоблачных монастырей.
 Если глотнуть
 лазурит вот такого ликера
 (Крепость сто семьдесят градусов
 ниже нуля),
 Горло окрепнет
 серебряной ломкою льдинкой,
 Рогом Роланда
 навеки замолкнет гортань.
 Тут и почувствуешь
 душу глубин межпланетных,
 Тут ощутишь
 голубую межзвездную ночь, -
 А не туда ли
 хотел ты земными ночами,
 В лодке покачиваясь
 над морской глубиной?

19. ОСЕНЬ

Вон - девочка пучок пурпурных листьев
 Приладила к виску и убегает
 По ветряной, совсем пустой аллее
 Туда, где синим глазом стынет пруд.
 Вон - инвалид играет на кларнете, -
 От клапанов, должно быть, зябнут пальцы, -
 И тонкий вопль в совсем пустой аллее
 С дерев сдувает алые листья.

Я был бы рад такому подаянью, -
 Тебе же, друг, бумажный нужен шелест,
 Да и глаза под черными очками
 Торжественный не радуется багрец...
 А девочка... Мне было бы печально
 Среди червонных безответных блесков, -

Но до любви тебе еще лет восемь,
И чей тебе бы надобен ответ?

И я кладу бедняге-музыканту
В его картуз хрустящую бумажку,
И девочке, склонившейся над прудом,
Коралловый протягиваю лист, -
Но, звонкая, она глядит сердито,
Надменную выпячивает губку
И говорит, широко, по-московски:
"Зачем? Их разве мало у меня?"

20. ЭСТРАДА

Стоит, нелепая... Как нищенка, стара...
Ей доски серебром сусальным обтянуло...
Снят рваный занавес, - и гулкая дыра
Навстречу ноябрю тугим зевком зевнула.

Пюпитры ржавые под ветром дребезжат, -
И этой нищеты, и этой скуки скудной
От глаз не заслонит безумный листопад,
Что кружится вокруг над площадью безлюдной...

Должно быть, жутко тут, за полночь перейдя...
Тут звуки шелестят, как мышь из-под обоев, -
Косноязычие пугливого дождя,
Душа порочная кларнетов и гобоев...

21. ЭКРАН

Я грубый холст экрана...
Льном голубым я рос
Средь вешнего тумана
Сквозь бисер летних рос.

Я облачком кудели
Клубился как руно,
Я струйкою метели
Кружил веретено.

Я белой мог сорочкой
Спускаться с женских плеч,
Воздушной оторочкой
Вдоль реи легкой лечь!

Но нет! В презренном хламе,
Где жизнь боится дня,
Навек в упрямой раме
Распялили меня.

И плоскостью покорной

(Двумерное рядно)
Вишу я в зале черной
Базарного кино.

Я вечной стал мишенью
Для лживого луча,
Что бредит, - зыбкой тенью
Судьбу теней влача.

22. ОСЕННИЙ ВЕНОК

Нет молодости. Лета нет и юга.
Смешно: я осмотреться не успел,
А три тепла уплыли за предел,
За дымную черту земного круга.

Проходит август в тишине полян,
И, знак того, что недалеко вьюга, -
Искрится в высоте Альдебаран.

*

Искрится в высоте Альдебаран,
Рубин, весь налитой багрянцем страстным.
Зовет взлететь к нему порывом властным.
Но где болид? Ядро? Аэроплан?

Но что болтать? И - вижу сквозь туман -
Ко мне склонилась ты лицом неясным.
Не знаю как, но я тобою пьян.

*

Не знаю как, но я тобою пьян.
Я не хотел такой внезапной чары.
Достаточно меня гнели удары;
Довольно вывихов, довольно ран.

На мне давно запаяна кольчуга.
Но ты... И вновь я болью обуян,
Еще чужая, поздняя подруга.

*

Еще чужая, поздняя подруга,
Осенняя последняя любовь...
О, пережить с тобою, вспомнить вновь
Норд-оста песнь, полынный запах луга.

Но я не тот. Теперь бы я не мог
Тебя позвать под парус, вздутый туго, -
Что дам тебе моей любви в залог?

*

Что дам тебе моей любви в залог?
 Чем я означу бледное томленье?
 В нем для тебя лишь боль, не упоенье:
 Так начертал нам августовский Бог.

Что запаять в твоём кольце упруго?
 В крутой металл какой бы камень влег?
 Рубин? О нет. Не он символ недуга.

*

Рубин? О нет. Не он символ недуга.
 Рубин ты знала в страсти молодой.
 В нем дней весенних клокотал прибором,
 Как Бахова властительная fuga.

Какой прибором? В порту мы. Жидкий грог
 Нам руки жжет, и вот – сквозь дрожь испуга
 Жемчужина, пузырчатый ожог.

*

Жемчужина, пузырчатый ожог.
 В нее бескровный дождь осенний пролит,
 В ней влажный жар тревожит и неволит:
 Боль тех, кто заблудился без дорог.

Ах, если бы: Крым, ураган, фелюга...
 Но ты прости: я дал тебе, что мог:
 Нет молодости, лета нет и юга.

*

Нет молодости. Лета нет и юга.
 Искрится в высоте Альдебаран.
 Не знаю как, но я тобою пьян,
 Еще чужая, поздняя, подруга.

Что дам тебе моей любви в залог?
 Рубин? О нет. Не он символ недуга; -
 Жемчужина, пузырчатый ожог.

23. У ПЕЧИ

И опять мы печку топим,
 Тихо прячемся в тепло
 И лениво жизнь торопим,
 Чтобы время протекло.

И оно проходит, время,
 Выпадает мягкий снег,
 И седеющее темя
 Грустно клонит человек.

Но – в отмену мерных жалоб
 В царстве доброго тепла,
 Может быть, нам лучше стало б,
 Если б вьюга нас ожгла?

И годов непрочный слепок
 На ветру б оледенел?
 Парус только в бурю крепок,
 Только в битве пенье стрел!

24. МУЗЕ

Я скрипку в прорубь окуну,
 На ледяном ветре заморожу
 И легким пальцем потревожу
 Оледеневшую струну.

И ломкий заостренный звук
 Мне в ухо льдинкою вопьется,
 И, как зубная боль, прервется
 От музыки теченье мук.

Но, отогретая, совсем
 Немой и сонной станет скрипка...
 Ошибки не смягчит ошибка:
 Ты хочешь, чтобы стал я нем?

Скорбишь о холоде моем?
 Скучаешь по другом, горячем?
 Мечтаешь, как с цыганским плачем
 С тобой мы о любви споем?

Ведь ты ж сама день ото дня
 Со мной была все боле строгой, -
 Так пожалей же и не трогай
 И не отогревай меня.

25. КАТОРЖНИК

Музыка – что? Кишка баранья
 Вдоль деревянного жука,
 И где-то в горле содроганья,
 Собачья старая тоска...

Кто ею душу нам измерил?
 Кто нам сказал, что можем мы,
 Когда и сам Орфей не верил
 В преодоление тюрьмы?

Скалой дела и думы встали,
 И – эти звуки не топор:
 Не проломить нам выход в дали,

В звездяный ветряной простор.

Так будь же проклята, музыка!
Я – каторжник и не хочу,
Чтобы воскресла Эвридика –
Опять стать жертвою мечу!

26. ВМЕСТО ВОЗДУХА

Вместо воздуха – мороз.
В безвоздушной глубине –
Плоский, легкий, вырезной,
Алюминиевый Кремль.

На реснице у меня
Колкий Сириус повис,
Промерцал и отвердел
Неожиданной слезой.

Ах, недобрый это знак,
Если плачешь от красы.
Это значит: в сердце нет
Никого и ничего.

27. ИДИ ЖЕ!*

Иди и зубами не ляскай,
Иди, а иначе погиб:
Мороз раскаленную маской
К лицу бездыханно прилип.

Какой-то надменной мутью
Заполнен кирпичный тоннель,
И градусник лопнул и ртутью,
Как пулей, ударил в панель.

Дома исключительно немые
И слепы, и только (смотри!)
Под мыльнопузырные шлемы
Ушли не дышать фонари.

Иди же, иди же, иди же!
Квартал за кварталом – иди!
Мороза скрипучие лыжи
Скользят у тебя по груди.

Межзвездный презрительный холод
Во весь распрямляется рост,
И мир на ледяшки расколот
Средь грубо нарубленных звезд.

* *Посв. Якутии*

28. ЖАЛОСТЬ

Стаял, точно льдинка, час,
Ночь туманом распахнулась
Жизнь истает ломкой льдинкой,
И в туман прольется время.

Но не жаль мне ничего.
Жаль мне домика пустого,
Где в окне желтела свечка
И мерцал клеенкой столик.

Жаль мне ящери ручной,
Что доверчиво дышала,
Разведя резные лапки,
На моей ладони твердой.

Жаль пушистое саше,
Что порою из комода
Вынимала мать, и сладко
Я вдыхал забвенный запах.

А всего больнее жаль,
Что никак я не умею
Рассказать об этих малых
Милых малостях бывшего...

Ломкой льдинкой тает жизнь,
И в песок уходит влага.
О, когда б песок отволгший
В гроб мне бросить не забыли!

29. СОБАКА

Я ухожу, и ты не знаешь,
Куда я ухожу теперь.
Ты терпеливо ожидаешь:
Когда же снова стукнет дверь?

В твоём сознании померкшем,
Тоской покорною полны,
Плывут о давнем и умершем
Собачьи медленные сны.

Судьбы ведь не переупрямить,
Хозяина не воротить,
И все разматывает память
Ослабевающую нить...

Вот я вернусь, и ты - метаться,

Лизать мне руки, лаять зря:
 Готово сердце разорваться,
 За скудный дар благодаря.

Но день пройдет, - уйду навеки,
 Мой шаг не прозвучит опять,
 А ты - года, смежая веки,
 Все будешь слушать, верить, ждать...

30. БЕЗВЫХОДНОСТЬ

Давно в колчане крупный жемчуг
 С печалью смешан наравне.
 Давно резной на крыше венчик
 Без матицы приснился мне.

Давно под черным покрывалом
 Текут замедленные сны, -
 И в поле трепетным шакалом
 Провыт призывный вой войны.

И терем мой зловещ и гулок,
 И крыс не слышно за стеной,
 Но в клетки каждый закоулок
 Наполнен злобою живой.

В божнице синие лампы
 На ликах не отражены,
 И подвижных теней громады
 Ползут за мною вдоль стены.

Бежать! - но сторожат погони,
 Дорога выбита кольем,
 И пораскованные кони
 Опоены крутым вином.

Последний вечер. Слышу: филин
 Кричит и бьется у окна.
 И там, среди облачных извилин
 Багровая встает луна.

31. ТАК ЗНАЙ

Над моим одиноким столом
 Истлевают ночные часы...
 Все, что было, что грело в былом,
 Я спокойно кладу на весы.

И дрожит роковая игла,
 Напряглось, как струна, острие,
 Неужели бы гиря смогла
 Перевесить все счастье мое?

Но бессмертен сияющий груз;
 Ком из золота, меда и смол,
 И под мерное пение муз
 Чашка жизни ложится на стол...

Ну, так знай же, так знай же, так знай,
 Что, чем медленней тлеют часы,
 Тем верней на мучительный рай
 Укажут стрелою весы.

32. И ОПЯТЬ

Засинели с неба снежного,
 Как былые мечты мои,
 Волей ветра неизбежного
 Мягко прорванные полыньи.

Вверх плеснуло сердце тесное,
 Точно слыша призыв трубы:
 Там Медведица небесная
 Запрокинулась на дыбы.

И лепешкой белой падает,
 Быстро падает в глубь луна,
 Ветром оттепели радует
 Неожиданная весна.

Мнится: выйду, - за воротами
 Лукоморье легло дугой
 С опаданьями и взлетами
 Пены белой и голубой.

И опять под легкой ношею
 Зачертит по волнам ладья,
 И опять такой хорошею
 Станет бедная жизнь моя!